

*От редактора**

Летом 1948 года мне довелось навестить Лидию Леонидовну и Александра Леонидовича Слонимских, давнишних моих знакомых. Они тогда жили в Москве, недалеко от Новодевичьего монастыря, где был похоронен их единственный сын — «последний в роде Ольги Сергеевны Пушкиной-Павлищевой», как писала Лидия Леонидовна. На могилу сына Слонимские приходили ежедневно.

Лидия Леонидовна много и охотно говорила о своих предках, особенно часто упоминала хорошо памятного ей «дядю Лео» — того самого Льва Николаевича Павлищева, племянника Пушкина, который под именем Лёли так часто фигурирует на страницах этой книги.

Тогда Лидия Леонидовна вручила мне главный многолетний труд своей жизни — переведенные с французского и подробнейшим образом прокомментированные письма Надежды Осиповны и Сергея Львовича Пушкиных к их дочери, Ольге Сергеевне Павлищевой, доводившейся Лидии Леонидовне прабабкой. По ее просьбе я отвез рукопись в Пушкинский Дом заведовавшему Рукописным отделом Института русской литературы профессору Рокису Викторовичу Томашевскому.

Одновременно речь шла о намерении Лидии Леонидовны перевести и прокомментировать письма Ольги Сергеевны Павлищевой к мужу и к отцу. К сожалению, осуществить этот замысел ей не удалось. Не смогла она опубликовать и подготовленные к печати письма родителей Пушкина. Рукопись почти полвека пролежала на архивной полке.

Только сейчас семейная переписка Пушкиных — одно из самых занимательных и значительных созданий тогдашней бытовой эпистолярной словесности — становится наконец достоянием читателей и входит в повседневный обиход нашей культуры.

Сопоставляя содержание первого и второго тома настоящего издания — содержание писем, относящихся к одной и той же эпохе 1830-х годов и рисующих быт одной и той же семьи, — легко заметить определенное отличие душевного настроения и житейского

* Предисловие к первому изданию писем.

стиля двух поколений. Над письмами стариков Пушкиных витает «дух мелочей прелестных и воздушных», это всегда меткие, непринужденные, остроумные зарисовки — физиономий, характеров, положений. В то время как письма Ольги Сергеевны — это прежде всего автопортрет. О чем бы она ни говорила, она при этом неизменно говорит о самой себе. Для нас это тем интереснее, что сведений о старшей сестре поэта сохранилось совсем немного.

Ольга Сергеевна, будучи всего на два с половиной года старше брата, с ранних лет сделалась постоянным товарищем его детских игр, слушательницей его первых стихов и зрительницей первых «театральных представлений» (все это рассказано ею в очень кратких, но ярких воспоминаниях о ранних годах брата). Вероятно, вместе с родителями Ольга Сергеевна навещала Пушкина-лицеиста в Царском Селе. Ей посвящено одно из самых задушевных его лицейских стихотворений:

Чем сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жан-Жака ли читаешь,
Жаилиса ль пред тобой?..
Иль моську престарелу,
В подушках поседелу,
Окутав в длинну шаль
И с нежностью лилея,
Ты к ней зовешь Морфея?
Иль смотришь в темну даль
Задумчивой Светланой
Над шумною Невой?..

(«К сестре». 1814)

По выходе из Лицея Пушкин три года провел бок о бок с сестрой в родительском доме, где нелюбимой дочери, Ольге, приходилось несладко. И соседство гениального брата, можно думать, как-то скрашивало ее жизнь. Летом 1817 и 1819 годов они вместе ездили в Михайловское. Там оба подружились с тригорскими соседями.

А когда осенью 1824 года Александр Сергеевич оказался в Михайловской ссылке, Ольга Сергеевна даже готова была остаться с братом зимовать в деревне.

В самый, пожалуй, критический момент жизни Ольги Сергеевны — сбежавши из дому, 27 января 1828 года она без согласия отца обвенчалась с чиновником Иностранной коллегии Николаем Ивановичем Павлищевым — Пушкин приложил немало старания, чтобы уладить семейный конфликт. Вместе с Анной Петровной Керн он встретил и благословил новобрачных, приехавших от венца...

Издавна в пушкинской литературе сложилось представление об Ольге Сергеевне, как о личности достаточно бесцветной, — болезненной, вечно скучающей, безвольной, замкнутой. Впервые публи-

куемые по-русски ее эпистолярные дневники, обращенные к мужу, потом к отцу, значительно оживляют этот блеклый портрет. Тут мы видим человека далеко не ординарного для своей среды — и по уму, и по интересам, и по многим качествам души и характера.

Немало удивившая даже ее близких отчаянная самостоятельность Ольги Сергеевны, без спросу вышедшей замуж, коренилась в самой натуре отпрыска «неукротимого», упрямого пушкинского рода и горячего, африканского ганнибаловского. Самостоятельность оказалась определяющей чертой личности.

Ольга Сергеевна всегда была преисполнена чувства собственного достоинства и никогда не терялась в любых, самых сложных обстоятельствах. Так, посреди всеобщей паники холерного лета 1831 года, живя в городе, из которого по ночам обозами вывозили трупы, Ольга Сергеевна с удивительным хладнокровием остается в «зараженном» доме и не желает покидать Петербург, коль скоро это связано с унижительной процедурой пребывания в грязном тесном карантине. Примечательна и ее лихая, гусарская вылазка, имевшая целью в обход застав и полицейских запретов пробраться к родителям в Павловск, лишь случайно закончившаяся неудачей.

Ольга Сергеевна, когда того потребовали обстоятельства, смело приняла на себя все тяготы дальнего путешествия из Петербурга в Варшаву. А три года спустя опять в одиночку проделывает тот же путь в обратном направлении с грудным ребенком на руках, решительно управляясь при этом и с лакеями, и с горничными, и с кормилицами, и с кучерами.

И в своей семейной жизни Ольга Сергеевна остается человеком вполне независимым. Несмотря на добрые и даже нежные свои чувства к мужу, она тем не менее совершенно чужда слепого обожания. Она очень ясно видит несимпатичные качества его души и, не стесняясь, прямо, порою колко, говорит ему об этом. «Я сама откровенность», — обронила как-то Ольга Сергеевна. И вот именно откровенности, сердечности, широты не хватает ей в мелочном характере ее супруга. В своих жизненных понятиях и устремлениях, которые отличаются не только независимостью, но и щепетильным благородством, доброжелательностью, она, конечно же, сродни своему младшему брату, вернее, своим младшим братьям.

Самостоятельны и определены вкусы Ольги Сергеевны и тогда, когда дело касается бытовых мелочей, житейского уклада, когда речь идет о природе либо об искусстве. Например, она не любит деревню, предпочитает город. В литературе ценит французские и английские романы. Она прилежная читательница Вальтера Скотта, Бальзака, Гюго. Появление «Собора Парижской богородицы» она отмечает как важное событие. При этом модные сочинения Поля де Кока упоминает иронически. Современная русская словесность, по ее суровому суждению, в целом не заслуживает никакого внимания. Что, впрочем, не мешает ей следить и за отечественными новинками. Она сочувственно упоминает некоторые повести барона Брамбеуса

(Сенковского), замечает искру таланта в начинающем стихотворце Бенедиктове, но в то же время — вопреки громкому успеху у публики — бранит «Ледяной дом» Лажечникова, видя здесь лишь слабое подражание Гюго и Вальтеру Скотту. Тогда как пушкинская «Капитанская дочка» вызывает ее восторженный отзыв.

Примечателен и ее непредвзятый взгляд на творения и переводы собственного мужа, которые он присылал ей из Варшавы для публикации (отзывы Ольги Сергеевны пестрят замечаниями «длинно», «скучно»).

А несколько небрежных фраз о «совершенно рассеянном образе жизни», который она якобы ведет, об особенном внимании к ней некоторых юношей и нарочито подробные рассказы о страстных ухаживаниях дядюшки Семена Исааковича Ганнибала явно имеют целью подразнить мужа и вызвать его ревность.

Отношения супругов с самого начала не были безоблачными. После трех лет их петербургской жизни — до перевода Николая Ивановича Павлищева на службу в Варшаву и к тому моменту, когда и начинается их переписка, — Ольга Сергеевна отнюдь не уверена в искренности «прекрасных фраз», на которые не скупится ее уехавший муж. Она подозревает, что Николай Иванович не слишком тяготится своим варшавским одиночеством. «Мне кажется, что я обманута вами и никогда не была вами любима... Докажите, что я ошибаюсь, и я буду счастлива». Упреки в адрес Павлищева зачастую, впрочем, сменяются признанием собственной вины. Редкое качество — Ольга Сергеевна готова честно покаяться в тех грехах, что замечает за собой. Она видит и соглашается: ее резкость, вспыльчивость, мнительность, бесосновательная ревность никак не помогали устроить их семейную жизнь. Жизнь не ладилась. И все эти годы Ольга Сергеевна остро ощущала душевную пустоту. После первых, неудачных, родов она даже решилась было взять на воспитание чужого ребенка. (Она пишет об этом мужу 8 июня 1832 года в связи с рождением первой своей племянницы, Марии, — старшей дочери Пушкина...)

Появление собственного первенца — в октябре 1834 года родился Лев Павлищев — существенно повлияло на душевный настрой Ольги Сергеевны, отодвинуло на второй план прежние сердечные переживания. Центром жизни отныне становится для нее сын, материнская ее заботливость доходит до самозабвения. Это отчетливо влияет на содержание и тон ее писем к мужу в 1835—1836 годах. Постоянным их рефреном становится рассказ о здоровье ребенка, его нраве и наружности, о симпатии к нему всех окружающих. Лёля трогает и забавляет стариков Пушкиных, в особенности Надежду Осиповну.

С появлением внуков семья разрастается. Родственные связи становятся сложнее и многообразнее.

Письма как начала, так и середины 1830-х годов прямо вводят нас в сферу этих непростых семейных отношений и сообщают ряд

таких деталей и подробностей, которыми мы обязаны всегдашней милой откровенности Ольги Сергеевны. Речь идет и об отношениях родителей к детям, и детей к родителям, и детей между собой.

Ни Надежда Осиповна, ни Сергей Львович не отличались чрезмерной родительской заботливостью — было больше чувствительных слов и стилистических украшений, нежели искреннего участия. По-иному обстояло дело лишь с младшим сыном, Львом Сергеевичем, который пользовался особой благосклонностью матери, вечно о нем тревожившейся. При этом взаимности с его стороны не ощущалось: увлеченный бивуачной жизнью, а в перерывах между походами и сражениями лихими кутежами и крупной карточной игрой, он не успевал думать о домашних и редко им писал. Долги его платили отец и старший брат (что далеко не лучшим образом сказывалось на материальном положении всей семьи). Ольга Сергеевна, хотя постоянно бранит младшего брата за легкомыслие, но почти всегда снисходительно и незлобиво.

В изложении Ольги Сергеевны отношения в семье в целом выглядят более родственными, чем их обычно трактуют. Что касается Надежды Осиповны, в натуре ее есть что-то сильное и жизнерадостное, что вызывает уважение и, как правило, симпатию окружающих. Дети, когда говорят о ней — даже и с обидой, — всегда говорят почтительно. Тогда как Сергей Львович с его бесхарактерностью, безалаберностью, скарденностью вызывает зачастую насмешливое сожаление близких. «Он хуже женщины, — пишет Ольга Сергеевна об отце, — вместо того, чтобы действовать, предпринимать что-нибудь, он только плачет».

Прежняя холодность и порою враждебность (доходившая, как известно, до крупных ссор) между Сергеем Львовичем и его старшим сыном в 1830-е годы сменяются большей взаимной терпимостью и даже сочувствием. С годами и Надежда Осиповна начинает все больше ценить своего ставшего признанным и знаменитым старшего сына. К концу жизни явно смягчился ее характер, а с другой стороны, повзрослев, изменился в своих чувствах к матери и сам Пушкин. Ольга Сергеевна видит и отмечает это.

Строки, посвященные Ольгой Сергеевной брату-поэту, рисуют Пушкина в необычном ракурсе. Такого Пушкина мы не увидим больше нигде, потому что здесь он предстает перед нами с особенной точки зрения — с точки зрения старшей сестры. Именно старшей. От своего первородства Ольга Сергеевна никогда не отказывалась. В ней совсем нет того домашнего чинопочитания, которое с годами появилось даже у родителей в отношении Александра, ставшего отечественной знаменитостью, ставшего фактически главой семьи. Чувства Ольги Сергеевны, похоже, не переменялись с детства: в них смесь сердечного участия и насмешливости. Она навсегда сохранила невольное ощущение своего природного превосходства: этот взгляд чуть свысока, эту манеру подтрунивать над тем, кто еще так недавно был несмышленищем и неучем, которо-

го она наставляла, учила ходить, кланяться и говорить. «Мы очень добрые друзья с Александром», — пишет Ольга Сергеевна мужу. И при этом в своих отношениях с братом автоматически выносит за скобки его славу, его историческое значение, которое она, впрочем, очень отчетливо сознает: «...Александр, который, при всем моем почтении к его шедеврам, стал капризен, как женщина перед родами <...> написал мне такое глупое и дерзкое письмо, что пусть меня похоронят заживо, если оно дойдет до потомства, хотя раз он постарался отослать мне его, — видимо, он на это надеялся». (Пушкин между тем всего-навсего отчитал сестру за то, что она осталась в холерном Петербурге, вместо того, чтобы уехать с родителями в Павловск.) Тон легкой насмешки, тонкой иронии — отнюдь не знак неуважения или нелюбви. Это просто затверженный, привычный обиходный светский тон. Говоря, к примеру, о своей невестке, Ольга Сергеевна не может ограничиться пресной похвалой — не обходится без дежурной остроты: «Она очаровательна и заслуживала бы мужа полубезнее, чем Александр».

Примечательно, что Ольга Сергеевна в восторге от бальных успехов Наталии Николаевны, от того, что та «в большой моде», что в самом высоком свете общее мнение признало ее первой красавицей и нарекло Психеей. Подобно своей матери, Ольга Сергеевна не только не считает предосудительным великосветское головокружительное «рассеяние» Наталии Николаевны, но явно и сама не прочь была бы окунуться в омут большого света.

Как выясняется, у Ольги Сергеевны достаточно широкий круг связей и знакомств. Свои письма она, подобно матери, невзначай наполняет рассказами о взаимных визитах, вечеринках, обедах. Однако в классическом жанре светских анекдотов-сплетен у нее свой стиль — не такой беззаботно-снисходительный и забавный, как у Надежды Осиповны, а скорее чуть язвительный: «Михаил Глинка женился на барышне Ивановой, юной особе без состояния и без воспитания, некрасивой, и, кроме всего прочего, она не выносит музыки<...> Мадемуазель Витовтова едва не вышла за вольноотпущенного, художника, академика<...> Вообрази, что Вейдемейер выбрила себе лоб, чтобы он казался выше<...> Мадемуазель Карамзина выщипала себе брови... Графиня Самойлова<...> садится на облучке вместе с кучером, с трубкой во рту и в мужской шляпе на своей завитой и растрепанной голове... Она презабавна и, я думаю, немного не в себе». Все события и даже мелочи светской хроники чрезвычайно занимают Ольгу Сергеевну. При этом она то и дело уверяет в своем полном равнодушии к светской суете. И тут же невольно опровергает сама себя, досадливо объясняя, что не может бывать в том кругу, где бывает мать, что не чувствует себя свободно в доме брата, — и все потому, что роль светской дамы требует изрядных расходов, так как деньги нужны на туалеты, на бальные туфельки, на парикмахера, на билет в театр или маскарад, а денег нет даже на наемный экипаж и кучера. Зачастую приходится отказываться от визита к ближайшей подруге...

Как постоянный, порой утомительный рефрен звучит в письмах Ольги Сергеевны и к мужу и к отцу эта роковая тема безденежья. И тут перед нами нечто большее, чем ущемленное самолюбие, стесненное достоинство, нечто большее, чем житейская неприятность.

В двухтомном эпистолярном романе из жизни пушкинского семейства 1830-х годов пестрая череда радостей, печалей, происшествий, забот постепенно оборачивается историей фатального оскудения древнего («шестисотлетнего») дворянского рода. Семейная драма сплетается с исторической. Недаром тема упадка дворянских родов стала одной из центральных для позднего Пушкина. Он видел тут проблему национального масштаба. На его глазах уходила с исторической сцены единственная влиятельная и просвещенная сила, которая могла реально повлиять на действия верховной власти, удержать страну на пути мирного гражданского развития. Независимое старинное столбовое дворянство — вот кто, по мысли Пушкина, мог продолжить и укоренить в русской жизни дело Петра, спасти страну от новой смуты. Но разумного союза самодержавия и образованного дворянства не возникало. Родовая аристократия хирела и разорялась, имения закладывались, перезаклаживались, дробились. Прослойка знатных независимых землевладельцев исчезала:

Мне жаль, что сих родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух,
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух.

(«Езерский»)

Письма Ольги Сергеевны — в особенности те, что связаны с разделом Михайловского после смерти Надежды Осиповны (и относящаяся, по преимуществу, к тому же предмету переписка Пушкина с Павлищевым, данная в приложении к настоящему тому), — прочерчивают особую сюжетную линию в той драме, в которой главным персонажем был автор «Моей родословной».

В частном, семейном, разрезе эта коллизия, пожалуй, могла найти благополучное, счастливое разрешение. Об этом готова была позаботиться изобретательная Прасковья Александровна Осипова, тригорская соседка Пушкиных, писавшая Александру Сергеевичу 6 января 1837 года в ответ на предложение купить Михайловское: «Мне Михайловское не нужно, и так, как вы мне вроде родного сына, я желаю, чтобы вы его сохранили — слышите?..» И далее подсказывает блестящую практическую мысль: Пушкин оставляет за собою имение, тут же его закладывает в ломбард, из вырученных денег рассчитывается с сестрой и братом, да еще при этом остается изрядная сумма на уплату процентов. Выход из лабиринта тягостных семейных проблем, казалось, был найден...

Но исторический аспект трагедии Пушкина, трагедии всей русской национальной жизни не находил и не мог найти благополучной развязки. И умным советом, полученным из Тригорского, поэту не

довелось воспользоваться. Письмо Прасковьи Александровны, судя по всему, привезла ее дочь, Евпраксия Николаевна Вревская, приехавшая в Петербург в середине января, всего за несколько дней до смерти Пушкина.

Искренне и горько оплакивая гибель брата, Ольга Сергеевна в своих письмах не изменяет себе и привычно пересказывает светские слухи о последней дуэли Пушкина, во многом пустые и вздорные. Гораздо важнее, однако, то, что она при этом очень чутко улавливает главный мотив безупречного поведения брата. Передавая фразу, сказанную умирающим Пушкиным жене: «Ты в этом деле ни при чем», — Ольга Сергеевна замечает: «Конечно, это было больше, чем великодушие, это было величие души».

Величие души — это то, чего зачастую не хватало в жизни, но что осознавалось Ольгой Сергеевной как высшая ценность. Именно это осознание формировало стиль поведения и литературный стиль, делало ее истинным человеком пушкинской эпохи.

А. Гордин